

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

УДК 351.852

DOI: 10.25991/3033-604X.2026.71.21.013

А. В. Молодин*

ЭКОМУЗЕЙ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ РАМКА РАБОТЫ С РАСПРЕДЕЛЕН- НЫМ НАСЛЕДИЕМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Аннотация: В статье предлагается концептуальный пересмотр экомuzeя как формы работы с наследием русской эмиграции. Экомuzeй рассматривается не как разновидность музейной институции и не как нормативный проект «гармонизации» прошлого, а как управленческая и репрезентативная рамка, адекватная условиям распределенного, транснационального и интерпретационно неоднородного наследия. Показано, что наследие русской эмиграции структурно не поддается централизованной музейной модели: оно одновременно функционирует в музейных, архивных, мемориальных, архитектурных и цифровых форматах, включенных в различные режимы публичной легитимации. Интерпретационная нестабильность в этом контексте носит системный характер и не может быть устранена за счет нарративной стабилизации без утраты доверия и репрезентативной ответственности. В работе обосновано, что экомuzeйная логика принципиально процессуальна и ориентирована на институциональное оформление управляемой негомogeneity. Особое внимание уделено процедурной стороне экомuzeя: статусам объектов, разграничению уровней высказывания, механизмам экспертной верификации и роли цифровой инфраструктуры как пространства,

* Молодин Александр Владимирович — кандидат архитектуры, доцент, доцент кафедры архитектуры и реконструкции городской среды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета; amolodin@gmail.com

Molodin Alexander Vladimirovich — Candidate of Architecture, Associate Professor, Department of Architecture and Urban Environment Reconstruction, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering; amolodin@gmail.com

в котором экомузейная модель становится эмпирически наблюдаемой. Сделан вывод о том, что экомузей представляет собой воспроизводимую форму институционального управления прошлым в условиях отсутствия единого суверенного центра, обладающую значительным культурно-дипломатическим потенциалом, но требующую строгой процедурной дисциплины.

Abstract: *This article proposes a conceptual rethinking of the ecomuseum as a mode of engaging with the heritage of the Russian emigration. The ecomuseum is examined not as a variant of the museum institution and not as a normative project aimed at the “harmonization” of the past, but as a governance and representational framework appropriate to conditions of distributed, transnational, and interpretatively heterogeneous heritage. It is demonstrated that the heritage of the Russian emigration is structurally resistant to centralized museum models, as it simultaneously operates within museum, archival, memorial, architectural, and digital formats embedded in different regimes of public legitimation. Interpretive instability in this context is systemic in nature and cannot be eliminated through narrative stabilization without a loss of trust and representational responsibility. The article argues that the logic of the ecomuseum is fundamentally processual and oriented toward the institutional organization of managed heterogeneity. Particular attention is paid to the procedural dimension of the ecomuseum, including object statuses, the differentiation of levels of articulation, mechanisms of expert verification, and the role of digital infrastructure as a space in which the ecomuseum model becomes empirically observable. It is concluded that the ecomuseum constitutes a reproducible form of institutional governance of the past under conditions of the absence of a single sovereign center, possessing significant cultural-diplomatic potential while requiring strict procedural discipline.*

Ключевые слова: экомузей, наследие русской эмиграции, распределенное наследие, управляемая негомогенность, интерпретационная неоднородность, heritage studies, цифровая инфраструктура, музейная репрезентация.

Keywords: ecomuseum, heritage of the Russian emigration, distributed heritage, managed heterogeneity, interpretive heterogeneity, heritage studies, digital infrastructure, museum representation.

Введение

В культуре XXI в. музей все меньше совпадает с образом здания, коллекции и «единого» голоса. В современной музеологии он описывается как открытая система, которая производит публичные режимы памяти и поддерживает коммуникацию между сообществами, институтами и медиасредами, нередко конфликтными по своим ожиданиям и ценностям. Этот сдвиг фиксируется и в отечественных обобщениях о миссии музея в социокультурной системе, где музейная деятельность понимается как часть более широких процессов идентификации и смыслопроизводства, а не как автономное хранение вещей [2, с. 151]. В логике культурологической теории музейности музейность перестает быть привилегией институции и проявляется как способ культур-

ного «закрепления» смыслов в самых разных формах — от архивных практик до цифровых платформ [11, с. 222]. Это важно именно для наследия, которое по определению не собирается в одном месте.

Наследие русской эмиграции существует как совокупность материальных объектов, архивов, мемориальных пространств и нематериальных практик, рассредоточенных по разным юрисдикциям и включенных в разные режимы публичной памяти. Его структура изначально не центрирована: музеи и архивы русского зарубежья складывались как формы самоорганизации, а не как части единой государственной системы, поэтому их «целостность» не может быть достигнута простым институциональным объединением [7, с. 205]. Если добавить сюда типологическое разнообразие эмигрантских музеев и неравномерность доступа к архивным комплексам, становится видно, что классическая централизованная модель музея здесь неизбежно редуцирует материал: она вынуждена выбирать один центр и один нарратив, тогда как наследие воспроизводится как многоцентровая сеть [8, с. 50; 9, с. 162]. В качестве корпусного поля наблюдения в статье используется каталогизированное описание объектов и инициатив, собранное автором ранее: оно задает не «доказательство», а контур наблюдаемой распределенности, на основании которого возможно построение типологии и проектной рамки [5; 6].

Научная проблема формулируется как противоречие между распределенным характером этого наследия и ограниченностью доминирующих музейных моделей, плохо приспособленных к управлению множественностью интерпретаций и к работе с наследием в условиях повышенной конфликтности публичной памяти. В смежном поле исследований «трудного» и диссонантного наследия показано, что конфликт вокруг прошлого является не исключением, а нормальным состоянием публичной культуры, требующим институционального посредничества и дисциплины репрезентации [10, с. 3]. Автором предложена аналитическая категория «двойной уязвимости», позволяющая описывать ситуацию, когда объект наследия одновременно испытывает давление разных нормативных систем принимающего общества и исходного контекста; здесь этот ход используется как теоретическое основание для проектирования репрезентации, а не как эмпирически завершённый результат.

В этом контексте экомузей вводится не как «еще один тип музея», а как управленческая и репрезентативная рамка для наследия вне национального суверенитета. Экомузейная логика принципиально процессуальна. Она допускает множественность центров, опирается на участие и совместное производство смыслов, удерживая локальные контексты без их подчинения одному «главному» голосу [3, с. 226]. При этом речь не идет о романтизации «общества» и отказе от профессиональной ответственности, напротив, экомузей требует ясного разведения уровней высказывания, источниковой дисциплины и процедур согласования, иначе многоголосие быстро превращается в шум, а конфликтность — в управленческий тупик. Экспериментальная цифровая инфраструктура «Жар-птица» в статье рассматривается как площадка, на ко-

торой можно проектировать и тестировать такие процедуры в распределенной среде, не подменяя теоретическую модель декларациями об успехе.

Понятие культурной дипломатии используется здесь в операциональном смысле. Оно обозначает не государственную внешнеполитическую практику и не «презентацию страны», а изменение конфигурации коммуникаций вокруг наследия. Снижение конфликтности, появление устойчивых горизонтальных каналов взаимодействия, совместные выставочные и исследовательские форматы, а также смещение публичного дискурса от упрощения к признанию сложности. Переход к сетевым и цифровым режимам музейного взаимодействия, включая «культурную дипломатию 2.0», описан в отечественной музеологии достаточно последовательно [1, с. 176]. В зарубежной перспективе близкий поворот фиксируется в понятии «дипломатии наследия», где наследие понимается как ресурс посредничества и доверия в транснациональном пространстве [26, с. 1000]. Для наследия русской эмиграции это принципиально: здесь устойчивость репрезентации достигается не централизацией, а институционально оформленным взаимодействием между локальными сообществами, профессиональными посредниками и принимающими аудиториями.

Методологически статья носит концептуально-проектный характер. Ее задача — предъявить воспроизводимую рамку понятий, критериев и процедур, на основе которых в дальнейшем возможны эмпирические исследования и прикладная апробация типологии на конкретных кейсах. В этом смысле исследование сознательно удерживает границу между теоретическим конструированием и эмпирической проверкой.

Интерпретационная нестабильность распределенного наследия и экомузей как рамка управления множественностью

Распределенное наследие русской эмиграции характеризуется не только пространственной рассредоточенностью, но и принципиальной неоднородностью режимов его публичного прочтения. Речь идет о наследии, которое одновременно функционирует в музейных, архивных, мемориальных, архитектурно-градостроительных, топографических и цифровых форматах, не образующих иерархически упорядоченной системы. Каждый из этих форматов задает собственный режим видимости, интерпретации и публичной легитимации, что делает невозможным их редукцию к единой музейной модели без методологического и управленческого упрощения. Такая структура не является следствием институциональной незрелости или временного дефицита координации; напротив, она отражает исторические условия формирования эмигрантских инициатив и их включенность в разные культурные и нормативные контексты [8, с. 49].

Классическая музейная модель предполагает, что множественность смыслов может быть приведена к устойчивому экспозиционному нарративу за счет экспертного отбора, иерархии интерпретаций и институциональной легити-

мации знания. Однако в случае наследия, существующего вне национального суверенитета и за пределами единой культурной политики, эта логика сталкивается с пределами применимости. Интерпретация перестает быть вопросом корректности или полноты и становится вопросом соотношения разных систем ценностей, каждая из которых обладает собственной публичной легитимностью [25, с. 27].

Интерпретационная нестабильность в данном случае носит структурный характер. Она воспроизводится за счет того, что объекты наследия одновременно включены в разные режимы памяти: диаспоральные, академические, музейные, активистские и медиадискурсивные. Добавление контекста или уточнение экспозиционного текста не приводит к стабилизации, поскольку сама процедура «уточнения» воспринимается как выбор интерпретационной позиции [19, с. 4]. В цифровой среде этот эффект усиливается: музейный нарратив теряет привязку к институциональному пространству и начинает функционировать как один из множества равноправных источников смыслов [21, с. 265].

Именно в этой точке проявляется ограниченность классической музейной логики, ориентированной на итоговую версию прошлого. Для распределенного наследия проблема заключается не в отсутствии «правильного» рассказа, а в невозможности его институционального закрепления без утраты доверия со стороны части сообществ. Исследования музеев памяти показывают, что стремление к нарративной стабилизации в подобных условиях приводит к смещению напряжения за пределы музея — в публичные дебаты, медиа и цифровые платформы, где оно воспроизводится в менее управляемых формах [23, с. 11].

В этой ситуации экомузейная логика приобретает не нормативное, а функциональное значение. Экомузей рассматривается здесь как управленческая и репрезентативная рамка, изначально рассчитанная на множественность центров интерпретации и на отсутствие единого нарративного ядра. В отличие от классического музея, экомузей не стремится к финализации смысла; его задача состоит в институциональном оформлении сосуществования разных версий прошлого и в создании процедур их соотношения [20, с. 369].

Экомузей в данном подходе не отказывается от профессиональной ответственности. Напротив, он требует более жесткой дисциплины различения уровней высказывания: документального, интерпретационного, мемориативного и аффективного. Такая дисциплина позволяет удерживать множественность смыслов без их слияния и без подмены анализа публицистикой, что неоднократно отмечалось в работах по музеологии участия [13, с. 84]. Именно процедурная, а не ценностная сторона экомузея делает его применимым к наследию, существующему в условиях нормативной неоднородности.

Категория двойной уязвимости позволяет описывать ситуации, в которых интерпретационная нестабильность поддерживается одновременно принимающим культурным контекстом и конкурирующими режимами памяти исходного общества. В таких случаях экомузей выступает не как форма «примирения»,

а как инфраструктура удержания сложности, в которой отсутствие окончательного согласия признается рабочим состоянием.

Таким образом, необходимость экомузейной модели выводится не из абстрактных установок новой музеологии, а из анализа пределов классической музейной формы применительно к распределенному наследию. Экомузей оказывается не альтернативой музею, а ответом на ситуацию, где музей в привычном смысле теряет способность быть единственным посредником между прошлым и публичной культурой. Именно в этом качестве он может рассматриваться как базовая рамка для дальнейшего проектирования репрезентации наследия русской эмиграции и для последующей эмпирической апробации.

В этой логике экомузей принципиально не ориентирован на достижение интерпретационной гармонии или консенсуса. Напротив, он исходит из признания негомогенности наследия как его устойчивого состояния и предлагает инструменты управления этой негомогенностью, а не ее снятия. Экомузейная рамка фиксирует множественность режимов памяти и репрезентации, задавая процедурные границы их сосуществования: разграничение уровней высказывания, прозрачность источников, институциональную атрибуцию позиций и воспроизводимые правила включения спорных материалов. Именно такая управляемая негомогенность позволяет удерживать сложность распределенного наследия без редукции к единому нарративу и без утраты публичной ответственности, что делает экомузей не пространством согласия, а формой институционального управления длительно сохраняющейся интерпретационной неоднородностью.

Распределенное наследие русской эмиграции и пределы классической музейной модели

Наследие русской эмиграции формируется как совокупность разнородных культурных форм, возникавших вне территории исходного государства и развивавшихся в различных национальных, правовых и институциональных контекстах. В отличие от национально центрированных моделей наследия, данный корпус изначально лишен единого координационного центра и не подчинен общей системе культурного управления. Его структура складывается как распределенная сеть музеев, архивов, мемориальных пространств, архитектурных и градостроительных объектов, а также цифровых и медийных форм фиксации памяти, функционирующих автономно и в разных режимах публичной легитимации [7, с. 205].

Важно, что перечисленные форматы не образуют иерархически упорядоченной системы. Музей, архив, мемориал или архитектурный объект задают различные логики репрезентации и ответственности, которые не могут быть приведены к единому экспозиционному или интерпретационному стандарту без методологического упрощения. Попытки свести данное наследие к классической музейной модели, ориентированной на стабильную коллекцию

и фиксированный нарратив, приводят не к интеграции, а к выпадению значимых пластов культурного опыта, прежде всего тех, которые существуют вне институциональных рамок [11].

Исследования эмигрантских музеев и архивов показывают, что значительная часть наследия русской диаспоры формировалась как результат самоорганизации сообществ и частных инициатив, а не как элемент государственной культурной политики [9, с. 162]. Это обусловило институциональную фрагментарность и множественность режимов интерпретации, которые сохраняются и в настоящее время. Типология эмигрантских музеев, предложенная Людмилой Петровной Муромцевой, фиксирует данную разнородность, но одновременно демонстрирует невозможность ее редукции к универсальной музейной форме [8, с. 52].

В условиях транснационального существования наследия русской эмиграции музей перестает быть привилегированным центром репрезентации прошлого. Он оказывается включен в более широкое поле культурной коммуникации, где наряду с профессиональными институциями действуют диаспорные объединения, исследовательские сети, цифровые платформы и локальные инициативы памяти. Как показывают исследования в области *heritage studies*, целостность такого наследия формируется не через физическую концентрацию объектов, а через согласование интерпретаций и процедур признания [18, с. 149].

В этой ситуации проблема заключается не в отсутствии единого нарратива, а в отсутствии адекватной управленческой рамки, способной удерживать множественность форм и режимов репрезентации без их подчинения друг другу. Классический музей, ориентированный на итоговую версию прошлого, демонстрирует здесь структурные ограничения. Он предполагает завершенность интерпретации, тогда как наследие эмиграции существует в логике незавершенного процесса, постоянно соотносимого с меняющимися социальными и культурными контекстами [14, с. 201].

Именно в этом аналитическом поле возникает необходимость обращения к экомузейной модели. Экомузей предлагается не как «еще одна форма музея», а как управленческая и репрезентативная рамка, изначально рассчитанная на негомогенность наследия и множественность центров памяти. В отличие от институционального музея, экомузей не стремится к финализации смысла, а фиксирует процедуры сосуществования различных форм наследия — музейных, архивных, мемориальных, архитектурных и цифровых — в рамках единого культурного процесса [3, с. 266].

В данном контексте экомузейная логика оказывается адекватной распределенному характеру наследия русской эмиграции. Она допускает автономию локальных инициатив, признает различие режимов интерпретации и одновременно задает минимальные правила их соотношения. Это позволяет рассматривать экомузей не как пространство гармонии или согласия, а как инфраструктуру управляемой негомогенности, в которой множественность смыслов признается рабочим состоянием, а не отклонением от нормы [20, с. 372].

Обращение к экомузее в исследовании наследия русской эмиграции обусловлено не идеологическими установками новой музеологии, а логикой самого объекта исследования. Распределенность, транснациональность и институциональная разнородность данного наследия требуют музейной формы, способной работать с процессуальностью и множественностью без их редукции. Экомузей в данном случае выступает не альтернативой классическому музею, а ответом на пределы его применимости в условиях культуры XXI в.

*Экспериментальная инфраструктура
как переход от концепта экомuzeя к эмпирике*

Если экомузей в данном исследовании понимается как форма управляемой негомогенности распределенного наследия, то следующий шаг должен носить не декларативный, а операциональный характер. В этом случае требуется зафиксировать, каким образом данная рамка может быть реализована на уровне инфраструктуры и какие наблюдаемые эффекты она производит. Речь идет о цифровой среде «Жар-птица», ориентированной на выявление и каталогизацию объектов наследия, их первичную атрибуцию, проверку и уточнение данных, а также публичную репрезентацию в условиях отсутствия единого территориального центра. Музейность здесь проявляется не как институциональный статус, а как совокупность процедур, обеспечивающих воспроизводимость знания и устойчивость коммуникации между участниками. Функционально такая инфраструктура проекта «Жар-птица» реализуется в форме электронного реестра с научно верифицируемыми сведениями, доступного через мобильные и веб-интерфейсы и дополненного механизмами поиска, фильтрации, пользовательского взаимодействия и распределенной координации, что позволяет рассматривать ее как прототип экомузейной рамки в цифровой среде [4].

Важная методологическая точка здесь одна: инфраструктура задает не только витрину, но и правила производства знания об объекте. Проект прямо описывает базу данных как облачное программное обеспечение администрирования, где возможны изменение статусов, обсуждение объектов администраторами и, принципиально, «независимое академическое рецензирование объектов перед их публикацией» [4]. Это снимает типичную доказательную слабость «цифровых каталогов», в которых непонятен режим верификации и ответственность за атрибуции. Здесь режим верификации проговорен как часть архитектуры системы, а значит может быть предметом научного описания, сопоставления и критики, а не рекламной формулы.

Мобильное и веб-приложение «Жар-птица» добавляет к реестру слой публичной коммуникации и поведенческих данных. Оно не ограничивается просмотром карточек, а предлагает чекины, комментарии и оценку состояния объектов, а также игровые механики и личный логбук. В терминах экомuzeя это означает, что репрезентация наследия связывается с практиками присутствия и повторяемого взаимодействия, а не только с описанием и иллюстрацией.

Здесь возникает переход к эмпирике: инфраструктура фиксирует, как формируются устойчивые каналы коммуникации вокруг объектов, как меняется интенсивность внимания к ним и какие объяснительные схемы начинают доминировать в пользовательских комментариях. Такие данные могут быть интерпретированы уже не как «популяризация», а как наблюдаемый материал культурной динамики, соотнесенный с тезисом о музее как открытой системе коммуникации [2, с. 312].

Ключевое достоинство этой связки «реестр — приложение — сеть координаторов» в том, что она делает экомузейную рамку проверяемой. Экомузей здесь не обещает согласия и не стремится к единому нарративу; он строит управляемую негомогенность через процедуру отбора, прозрачность источников и распределенную модерацию, причем эта модерация не скрыта, а институционально обозначена. Такой тип инфраструктуры позволяет исследовать культурно-дипломатический эффект не как лозунг, а как измеряемую конфигурацию коммуникаций: появление устойчивых связей между локальными группами, совместные инициативы, изменения в публичном дискурсе вокруг объектов и, в пределе, переход от разрозненных описаний к совместно поддерживаемым режимам признания [26, с. 1005; 12, с. 155]. При этом цифровой слой снимает зависимость от физической мобильности и расширяет дипломатический ресурс музея в условиях ограничений и асимметричного доступа, что уже описано в исследованиях музейной дипломатии цифрового периода [1, с. 9]. Здесь экомузейная логика совпадает с базовым положением *heritage studies*: целостность наследия создается не концентрацией вещей, а режимами отбора, легитимации и совместной интерпретации [18, с. 149].

Процедурная организация распределенного экомузея

Переход от концептуального понимания экомузея как рамки управления множественностью к эмпирическому анализу требует фиксации процедур, через которые эта рамка реализуется на уровне конкретной инфраструктуры. В данном случае принципиально важно рассматривать не отдельные цифровые инструменты, а совокупность формальных операций, задающих режим обращения с объектами распределенного наследия.

Каждый объект в системе проходит последовательность статусов, отражающих его движение от первичного выявления к публичной репрезентации. Статусы носят процессуальный характер и допускают возврат на предыдущие этапы в случае уточнения данных или пересмотра интерпретации. Таким образом, объект не мыслится как окончательно «закрепленный», а сохраняет потенциал для повторной экспертизы и корректировки, что соответствует пониманию наследия как динамического процесса [24].

Карточка объекта строится по унифицированной модели и включает обязательные поля, фиксирующие наименование, локализацию, тип объекта, краткую аннотацию и расширенное описание, допускающее вариативные нар-

ративы, а также источники, визуальные материалы и атрибутивные признаки. Принципиальным является разграничение описательных и интерпретационных элементов, равно как и обязательное указание источников, что сближает данную модель с практиками архивного и музейного учета, но при этом не исключает их адаптацию и расширение за счет цифровых форм репрезентации и многослойности описания [17, с. 19].

Экспертная оценка объекта осуществляется академическими специалистами в области истории, архивоведения, музеологии и культурологии, участвующими в системе на волонтерских основаниях. Формальные критерии допуска эксперта воспроизводят практики научных журналов: наличие профильного образования, исследовательского опыта, публикаций и рекомендаций. Сам факт рецензирования фиксируется автоматически через создание связанной сущности «рецензия», направляемой рецензенту в электронном виде. Как правило, объект рассматривается двумя независимыми экспертами, чьи заключения могут содержать рекомендации о принятии, доработке или отклонении материала.

Экспертное заключение является ключевой стадией публикации объекта, хотя и не единственной. В случае совпадения оценок решение принимается в соответствии с рекомендацией рецензентов; при расхождении назначается третий эксперт. Окончательное решение остается за редакционной комиссией, что обеспечивает баланс между экспертным суждением и институциональной ответственностью, характерный для академического знания.

Система тегирования и типологии объектов регулируется редакционно и основывается на фиксированной нормативной документации. Решения о закреплении или изменении тегов принимаются ответственным редактором, что позволяет избежать произвольного расширения категорий и сохранить сопоставимость данных внутри корпуса. Такая модель делает возможным анализ наследия как сети связанных, но не иерархически упорядоченных объектов.

Указанные процедуры позволяют рассматривать данную цифровую среду не как вспомогательный инструмент, а как экспериментальную экомузейную инфраструктуру, в которой управляемая негомогенность наследия реализуется через формализованные, воспроизводимые и поддающиеся анализу операции. Именно этот уровень процедурной организации задает основу для последующего эмпирического исследования и сравнительного анализа экомузейных практик вне национального суверенитета.

Потенциал и пределы экомузейной модели в условиях распределенного наследия

Проведенный анализ позволяет рассматривать экомузей не как альтернативную институциональную форму по отношению к классическому музею, а как управленческую и репрезентативную рамку, адекватную условиям распределенного и транснационального наследия. Его ключевой потенциал связан с возможностью работать с множественностью локальных контекстов,

разнородных форм памяти и конкурирующих интерпретаций без их редукции к единому нарративу [24, с. 3; 16, с. 24].

В отличие от централизованных музейных моделей, экомузей допускает децентрализованную структуру, множественность центров и отсутствие доминирующего экспозиционного ядра. Это делает его особенно продуктивным в работе с наследием русской эмиграции, которое изначально формировалось как совокупность разрозненных архивов, мемориальных инициатив и культурных практик, встроенных в различные национальные и институциональные режимы [7, с. 205]. Экомузейная логика позволяет связать эти элементы в единую систему музейности, не нарушая их локальной автономии.

Существенным преимуществом экомузейной модели является ее процессуальный характер. Наследие в данном случае понимается не как завершенный корпус объектов, а как постоянно пересобираемая совокупность смыслов, поддерживаемая через процедуры выявления, атрибуции, экспертизы и публичной репрезентации [17, с. 19]. Такая установка обеспечивает гибкость интерпретации и устойчивость к изменению политических и культурных контекстов, что принципиально важно для транснациональных форм памяти [14, с. 6].

Одновременно экомузей демонстрирует значительный культурно-дипломатический потенциал. Он формирует горизонтальные каналы коммуникации между локальными сообществами, диаспорами и принимающими обществами, не прибегая к трансляции единого канонического образа прошлого. В этом качестве экомузей действует в логике «мягкой силы», основанной не на символическом доминировании, а на вовлечении, совместной интерпретации и доверии к процедурам [26, с. 1001; 15, с. 9]. Такой формат взаимодействия способствует снижению интерпретационной напряженности и формированию устойчивых коммуникационных связей.

Вместе с тем экомузейная модель обладает и принципиальными ограничениями. Во-первых, ее эффективность напрямую зависит от устойчивости процедур верификации и экспертного контроля. Ослабление этих механизмов ведет к размыванию границ между профессиональным знанием и произвольной интерпретацией, что снижает доверие к экомузейной инфраструктуре как к научно значимому полю. Во-вторых, экомузей плохо поддается жесткой институционализации: его распределенный характер затрудняет формирование единых стандартов ответственности и долгосрочного финансирования.

Дополнительным пределом является зависимость экомузея от уровня вовлеченности сообществ. В условиях ослабления диаспорных структур или утраты межпоколенческой преемственности экомузейные проекты рискуют утратить динамику и превратиться в фрагментарные архивные инициативы [22, с. 1117]. Кроме того, экомузей не снимает конфликтность интерпретаций, а институционализирует ее, что требует постоянной модерации и может создавать управленческую нагрузку.

Экомузей в этом контексте следует рассматривать не как универсальное решение, а как рамку, эффективную в условиях распределенного наследия

и множественной идентичности. Его сила заключается в способности удерживать негомогенность и превращать ее в ресурс диалога, тогда как его уязвимости связаны с необходимостью поддержания процедурной дисциплины и институциональной устойчивости. Именно это сочетание потенциала и пределов делает экомузей продуктивным объектом дальнейшего эмпирического исследования и сравнительного анализа в контексте современной музеологии и heritage studies.

Заключение

Проведенное исследование позволяет уточнить статус экомузея в современной музеологии и heritage studies, сместив его понимание от институциональной формы к управленческой и репрезентативной рамке, адекватной условиям распределенного наследия. На материале наследия русской эмиграции показано, что ключевая проблема заключается не в отсутствии координации или дефиците ресурсов, а в структурном несоответствии классической музейной модели объекту, который изначально существует как многоцентровая и нормативно неоднородная система [16, с. 16].

В работе обосновано, что интерпретационная нестабильность распределенного наследия носит не ситуативный, а системный характер. Она воспроизводится за счет одновременного включения объектов в различные режимы памяти — музейные, архивные, мемориальные, архитектурные и цифровые — каждый из которых задает собственные критерии значимости и легитимности [14, с. 6]. В этих условиях попытки нарративной стабилизации неизбежно приводят к редукции материала или к выносу конфликтности за пределы институционального поля, в медиасреду и публичные дебаты [25, с. 27].

Экомузейная логика предложена как ответ именно на этот структурный вызов. Экомузей в данном подходе не стремится к достижению интерпретационного консенсуса и не подменяет множественность «диалогом ради диалога». Его функция состоит в институциональном оформлении управляемой негомогенности через процедуры выявления, атрибуции, экспертной верификации и публичной репрезентации, позволяющие удерживать конкурирующие интерпретации в рамках воспроизводимого и прозрачного режима [17, с. 19].

Особое внимание в статье уделено процедурной стороне экомузея. Показано, что именно формализация статусов объектов, разграничение уровней высказывания и внедрение механизмов академического рецензирования делают экомузейную рамку не декларативной, а операциональной. В этом смысле цифровая инфраструктура рассматривается не как вспомогательный инструмент, а как пространство, в котором экомузейная логика может быть эмпирически наблюдаема и поддается систематическому осмыслению.

Анализ потенциала и пределов экомузейной модели показывает, что ее эффективность напрямую связана с устойчивостью процедур верификации и уровнем институциональной ответственности. Экомузей не является уни-

версальным решением и не заменяет классический музей; его применимость ограничена объектами, для которых характерны транснациональность, распределенность и множественность режимов памяти [26, с. 1001]. В то же время именно в этих условиях экомузей демонстрирует значительный культурно-дипломатический потенциал, проявляющийся в формировании устойчивых каналов коммуникации и снижении интерпретационной напряженности без редукции сложности [15, с. 9].

Экомузей в рамках данного исследования рассматривается не как нормативный идеал и не как форма «гармонизации» прошлого, а как инструмент управления длительно сохраняющейся неоднородностью наследия. В конечном счете экомузей в условиях распределенного наследия предстает не как пространство согласия и не как расширение музейной институции, а как единственная воспроизводимая форма институционального управления прошлым, способная удерживать длительно сохраняющуюся интерпретационную неоднородность без ее редукции, вытеснения или политизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринчева Н.* Культурная дипломатия 2.0.: перспективы использования в международной музейной практике // Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7). С. 171–185.
2. *Именнова Л. С.* Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы. М., 2011.
3. *Куклинова И. А.* Экомузей — музей времени и пространства: западноевропейский образец и восточная модель // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 190. С. 263–269.
4. *Майер М.* Ассоциация сохранения русского культурно-исторического наследия за рубежом «Жар-птица». 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://jar-ptiza.org> (дата обращения: 20.03.2025).
5. *Молодин А. В.* Православные купола Америки. Washington, D. C.: Russian Cultural Center, Nasledie Publishing, 2020.
6. *Молодин А. В.* «Там русский дух... там Русью пахнет!»: сто особенных мест в США. Наследие Паблишинг, 2024.
7. *Муромцева Л. П.* Музеи Российской эмиграции // Россия и современный мир. 2011. № 3 (72). С. 199–213.
8. *Муромцева Л. П.* Типология российских эмигрантских музеев // Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7). С. 49–59.
9. *Попов А. В.* Русское зарубежье и архивы: история российской эмиграции в отечественных и зарубежных хранилищах // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2008. № 8. С. 151–183.
10. *Самовер Н. В.* «Трудное» наследие как Всемирное: Россия в контексте международного опыта // Журнал Института наследия. 2018. № 3 (14). С. 1–14.
11. *Сапанжа О. С.* Культурологическая теория музейности. СПб., 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://dissercat.com/content/kulturologicheskaya-teoriya-muzeinosti> (дата обращения: 20.03.2025).

12. Чебыкин Д. Д. «Дипломатия наследия» как инструмент «мягкой силы» в кросс-культурных взаимодействиях // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 1 (33). С. 152–161.
13. Crooke E. Museums and community: Ideas, issues and challenges. London; New York: Routledge, 2008.
14. Erll A. Travelling Memory // Parallax. 2011. Vol. 17. № 4. Pp. 4–18.
15. Grincheva N. Cultural diplomacy under the “digital lockdown”: pandemic challenges and opportunities in museum diplomacy // Place Branding and Public Diplomacy. 2021. Vol. 18. № 1. Pp. 8–11.
16. Harrison R. Heritage: critical approaches. London; New York: Routledge, 2013.
17. Kalay Y., Kvan T., Affleck J. (ред.). New Heritage: New Media and Cultural Heritage. London; New York: Routledge, 2008.
18. Kirshenblatt-Gimblett B. From Ethnology to Heritage: The Role of the Museum. SIEF Keynote, Marseilles, April 28, 2004. To appear in the conference proceedings. Pp. 1–8.
19. Macdonald S. J. Difficult heritage: negotiating the Nazi past in Nuremberg and beyond. London; New York: Routledge, 2009.
20. Montanari E. Ecomuseums and contemporary multi-cultural communities: assessing problems and potentialities through the experience of the Écomusée du Val de Bièvre, Fresnes, France // Museum & Society. 2016. Vol. 13. № 3. Pp. 369–384.
21. Morgan C., Pallascio P. M. Digital media, participatory culture, and difficult heritage: online remediation and the trans-Atlantic slave trade // Journal of African Diaspora Archaeology and Heritage. 2015. Vol. 4. № 3. Pp. 260–278.
22. Nikielska-Sekula K. Migrating heritage? Recreating ancestral and new homeland heritage in the practices of immigrant minorities // International Journal of Heritage Studies. 2019. Vol. 25. № 11. Pp. 1113–1127.
23. Reeves K., Logan W. S. Places of pain and shame: dealing with «difficult heritage». London; New York: Routledge, 2009.
24. Smith L. Uses of Heritage. London; New York: Routledge, 2006.
25. Tunbridge J. E., Ashworth G. J. Dissonant heritage: the management of the past as a resource in conflict. Chichester; New York: J. Wiley, 1996.
26. Winter T. Heritage diplomacy // International Journal of Heritage Studies. 2015. Vol. 21. № 10. Pp. 997–1015.

REFERENCES

1. Grincheva, N. K. *Kul'turnaia diplomatiia 2.0.: perspektivy ispol'zovaniia v mezhdunarodnoi muzeinoi praktike* [Cultural Diplomacy 2.0: Prospects for Use in International Museum Practice]. In: *Voprosy muzeologii*, 2013, no. 1 (7), pp. 171–185. (In Russian).
2. Imennova, L. S. *Muzei v sotsiokul'turnoi sisteme obshchestva: missiia, tendentsii, perspektivy* [The Museum in the Socio-Cultural System of Society: Mission, Trends, Prospects]. Moscow, 2011. (In Russian).
3. Kuklinova, I. A. *Ekomuzei — muzei vremeni i prostranstva: zapadnoevropeiskii obrazets i vostochnaia model'* [Ecomuseum — Museum of Time and Space: Western European Model and Eastern Model]. In: *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2010, no. 190, pp. 263–269. (In Russian).
4. Maier, M. *Assotsiatsiia sokhraneniia russkogo kul'turno-istoricheskogo naslediiia za rubezhom “Zhar-ptitsa”* [Association for the Preservation of Russian Cultural-Historical Heritage Abroad “Firebird”]. 2024. [Electronic resource] URL: <https://jar-ptiza.org> (accessed: 20.03.2026). (In Russian).

5. Molodin, A. V. *Pravoslavnye kupola Ameriki* [Orthodox Domes of America]. Washington, D. C., Russian Cultural Center, Nasledie Publishing, 2020. (In Russian).
6. Molodin, A. V. “*Tam russkii dukh... tam Rus’iu pakhnet!*”: *sto osobennykh mest v SShA* [“There Is the Russian Spirit... There It Smells of Rus’!”: One Hundred Special Places in the USA]. Nasledie Publishing, 2024. (In Russian).
7. Muromtseva, L. P. *Muzei Rossiiskoi emigratsii* [Museums of Russian Emigration]. In: *Rossia i sovremennyi mir*, 2011, no. 3 (72), pp. 199–213. (In Russian).
8. Muromtseva, L. P. *Tipologiya russkikh emigrantskikh muzeev* [Typology of Russian Emigrant Museums]. In: *Voprosy muzeologii*, 2013, no. 1 (7), pp. 49–59. (In Russian).
9. Popov, A. V. *Russkoe zarubezh’e i arkhivy: istoriia rossiiskoi emigratsii v otechestvennykh i zarubezhnykh khranilishchakh* [The Russian Abroad and Archives: History of Russian Emigration in Domestic and Foreign Repositories]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaia bezopasnost’*, 2008, no. 8, pp. 151–183. (In Russian).
10. Samover, N. V. “*Trudnoe*” *nasledie kak Vsemirnoe: Rossiia v kontekste mezhdunarodnogo opyta* [“Difficult” Heritage as Global: Russia in the Context of International Experience]. In: *Zhurnal Instituta nasledia*, 2018, no. 3 (14), pp. 1–14. (In Russian).
11. Sapanja, O. S. *Kul’turologicheskaja teoriia muzeinosti* [Cultural-Theoretical Concept of Museality]. *Saint Petersburg, 2011*. [Electronic resource] URL: <https://dissercat.com/content/kulturologicheskaya-teoriya-muzeinosti> (accessed: 20.03.2026). (In Russian).
12. Chebykin, D. D. “*Diplomatiia nasledia*” *kak instrument “myagkoi sily” v kross-kul’turnykh vzaimodeistviiakh* [“Heritage Diplomacy” as a Tool of Soft Power in Cross-Cultural Interactions]. In: *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniia*, 2024, no. 1 (33), pp. 152–161. (In Russian).
13. Crooke, E. *Museums and Community: Ideas, Issues and Challenges*. London; New York, Routledge, 2008. (In English).
14. Erll, A. Travelling Memory. In: *Parallax*, 2011, vol. 17, no. 4, pp. 4–18. (In English).
15. Grincheva, N. Cultural Diplomacy under the “Digital Lockdown”: Pandemic Challenges and Opportunities in Museum Diplomacy. In: *Place Branding and Public Diplomacy*, 2021, vol. 18, no. 1, pp. 8–11. (In English).
16. Harrison, R. *Heritage: Critical Approaches*. London; New York, Routledge, 2013. (In English).
17. Kalay, Y., Kvan, T., Affleck, J. (eds.). *New Heritage: New Media and Cultural Heritage*. London; New York, Routledge, 2008. (In English).
18. Kirshenblatt-Gimblett, B. *From Ethnology to Heritage: The Role of the Museum*. SIEF Keynote, Marseilles, April 28, 2004. To appear in the conference proceedings, pp. 1–8. (In English).
19. Macdonald, S. J. *Difficult Heritage: Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond*. London; New York, Routledge, 2009. (In English).
20. Montanari, E. Ecomuseums and Contemporary Multi-Cultural Communities: Assessing Problems and Potentialities through the Experience of the Écomusée du Val de Bièvre, Fresnes, France. In: *Museum & Society*, 2016, vol. 13, no. 3, pp. 369–384. (In English).
21. Morgan, C., Pallascio, P. M. Digital Media, Participatory Culture, and Difficult Heritage: Online Remediation and the Trans-Atlantic Slave Trade. In: *Journal of African Diaspora Archaeology and Heritage*, 2015, vol. 4, no. 3, pp. 260–278. (In English).
22. Nikielska-Sekula, K. Migrating Heritage? Recreating Ancestral and New Homeland Heritage in the Practices of Immigrant Minorities. In: *International Journal of Heritage Studies*, 2019, vol. 25, no. 11, pp. 1113–1127. (In English).
23. Reeves, K., Logan, W. S. *Places of Pain and Shame: Dealing with “Difficult Heritage”*. London; New York, Routledge, 2009. (In English).
24. Smith, L. *Uses of Heritage*. London; New York, Routledge, 2006. (In English).

25. Tunbridge, J. E., Ashworth, G. J. *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester; New York, J. Wiley, 1996. (In English).

26. Winter, T. Heritage Diplomacy. In: *International Journal of Heritage Studies*, 2015, vol. 21, no. 10, pp. 997–1015. (In English).